

Российское правительство 1812-1813 гг. предпринимало активные меры к использованию труда и знаний военнопленных как в военной, так и в гражданской сфере. Среди тех пленников особое место занимали врачи, служившие в Великой армии.

Судя по всему, поначалу эта практика складывалась в значительной мере стихийно. Так, немец Генрих Роос (Пруссия была союзницей Наполеона) был определен на российскую службу. Этот приказ был отдан на следующий же день после пленения Рооса. В госпитале под Борисовым, а затем и в самом городе он «был употребляем при многочисленных раненых и больных по случаю недостатка в лекарях, отправляя должность старшего врача I класса с жалованием 750 руб. в год». В своих мемуарах он пишет, что на время плена предлагали свои услуги множество врачей; однако принимали не всех, оказывая предпочтение немцам, ссылаясь на некий приказ.

Еще один пленный медик Де Ла Флиз был привлечен к выполнению своих обязанностей также сразу после пленения. Русский офицер прямо на поле боя сказал ему: «Вы можете быть нам полезны, так как наш полковой лекарь убит». Тут же в полевых условиях Флиз стал делать перевязки и операции.

Вопрос о широкомасштабном использовании пленных медиков поставил главный медицинский инспектор по армии Я.В.Виллие. В связи с тем, что в плену оказалось множество медиков, Виллие просил, чтобы главнокомандующий М.И.Кутузов утвердил его предложения об использовании пленных врачей. Он предлагал употреблять пленных медиков в госпиталях, прежде всего для лечения больных пленных, а в случае надобности и в российских госпиталях под надзором врачей военного ведомства. Виллие просил представить ему список пленных врачей, а также их самих для распределения по госпиталям.

Кроме того, Виллие просил о предоставлении ему права экзаменовывать 178 пленных врачей, желающих вступить в русскую службу, и согласно их способностям определять их в армию. Тем же, кто не пожелает вступить в российскую службу, «обязаны будут исполнять оную» принудительно в качестве пленных.

Пути-перепутья

Лекари и шаромыги

Пленные медики Великой армии

Причем им предполагалось производить следующее жалование: Дженетту как главному доктору неприятельской армии – 5 руб. в день, старшим докторам, старшим лекарям и старшим аптекарям – по 2 руб. 50 коп. «Младшим чиновникам с их званий» и старшим их помощникам – по 1 руб. 75 коп., и наконец «младшим помощникам тех званий» – по 1 руб.

Однако же жалование это следовало выплачивать лишь тем, кто будет действительно лечить больных (пленных или российских). Отказавшимся или больным следовало производить лишь половинное жалование. Особо следовало объявить в приказе по армии, а также гражданскому населению, чтобы «никто не осмеливался держать у себя пленных лекарей». Немедленно представить их в полицию, а во избежание злоупотреблений запретить аптекам отпускать лекарства по рецептам пленных врачей без особого предписания врача, «привилегированного российским правительством». Исключение из последнего правила могло быть предоставлено лишь тем, кто получит разрешение производить практику в России.

Кутузов утвердил предложения Виллие, и предписал составить список пленных врачей. Непосредственное заведование пленными врачами было возложено на Ф.Ф.Гейрота – главного доктора Виленского и Витебского госпиталей. По всей видимости, это было вызвано тем, что наибольшее число медиков оказалось в Вильне.

Однако пленные врачи устраивались на службу не только в централизованном порядке. Так, главный медик белостокских военно-временных госпиталей коллежский асессор Полянский доносил, что доктор 3-го класса Шуберт, которого он признает достойным фельдшером 1-го класса, добровольно остался служить в российском госпитале.

Необходимость в квалифицированных медиках ощущалась не только в военных госпиталях. Министр народного просвещения А.К.Разумовский констатировал наличие множества пленных врачей, остающихся без дела, а также распространение среди жителей болезней и нужду в организации новых военных госпиталей. Врачей не хватало, и министр предлагал использовать пленных медиков под надзором местных врачебных

управ в гражданской сфере. Возможно, такое поведение связано с его довольно скептическим отношением к привлечению пленных врачей на русскую службу. Разумовский прямо высказал свои опасения: «По мнению моему, между пленными врачами без сомнения есть многие, не имеющие ни основательных познаний, ни достаточной опытности, и вообще нельзя от них ожидать усердия к пользе России».

Вероятно, что многие пленные французы, прослышав об уважительном отношении русских к медикам и довольно сытой жизни в неволе, сказывались лекарями. Потому Медицинский департамент предложил создать группу адъюнкт-профессоров по медицинской части для принятия у пленных экзаменов. Однако Медико-хирургическая академия и университеты принимали во внимания аттестаты иностранных университетов и ограничивались экзаменами по анатомии, физиологии, хирургии, патологии, терапии с «анатомической демонстрацией и хирургической операцией». Изучение биографий врачей Великой армии, оставшихся в России, показывает, что российские власти действительно придавали большое значение квалификации пленных медиков.

Вместе с тем и Виллие не ограничивался привлечением пленных врачей к исполнению своих профессиональных обязанностей. Он стремился создать условия для того, чтобы надолго привлечь их на русскую службу. Так, Виллие предложил Медицинскому департаменту обратиться к военному министру с просьбой о назначении врачам, желающим поступить на русскую службу, жалованья «несколько больше противу нашего классного положения». Одновременно с этим, по мысли Виллие, следовало продумать и другие меры, которые можно употребить для того, чтобы склонить к переходу на русскую службу военнопленных врачей, которые «у частных

особ... и между пленными чинами находятся». Это надо понимать, что люди состоятельные заводили, как бы сегодня выразились, «семейных врачей» из пленных.

На лубочной картинке Василиса Кожина – крестьянка, сколотившая партизанский отряд, разбирается с пленными французами. В ее словах есть и такая фраза: «А этого – в лекари».

В апреле 1813 г. Министерство полиции разослало циркулярное предписание, согласно которому, со ссылкой на высочайшую волю, губернаторы должны были предложить военнопленным медицинским чинам вступить в российскую службу, с тем, что они «будут определены в войски и госпитали с производением по трудам их жалования». Реакция пленных медиков на это предписание, к стати сказать, неоднозначная. Так, в одном из донесений читаем, что пленные лекари «в службу, напаче в полки, вступить не желают и в кондичии ни в какие вступить не хотят, поелику по окончании войны намерены возвратиться в свое отечество». Но заявили, что «на случай, есть ли угодно будет употребить их для пользования больных, согласны». Как видно, пленные лекари хорошо различали выполнение своего долга как медиков и службу на стороне противника.

Впрочем, немало пленных прожили в России всю жизнь. Отчасти причиной тому дела сердечные – они обзавелись семьями. Другая часть – шаромыжники. Отступая, французы просили милостыню у крестьян и начинали свое обращение к русским «варварам» с заискивающего «шер ами» (cher ami), что в переводе «дорогой друг». Крестьяне французских попросаек назвали шаромыжками, и слово это закрепилось в «великом и могучем». Везучие французские батраки становились учителями и, как видим, лекарями при помещиках. Кто-то не захотел менять барскую усадьбу на крестьянскую лачугу, скажем, в Нормандии.

Имена и судьбы

Погружаясь по редакционному заданию в тематику Отечественной войны 1812 г., не мог миновать судьбы кавалерист-девицы Надежды Дуровой. Судьбы уникальной, но притянуть ее к медицине ради публикации в нашей врачебной газете, увя, не хватило воображения (или цинизма). Однако любопытство было вознаграждено, причем самым неожиданным образом. Оказалось, не такой уж уникальной была история Дуровой...

Джеймс Бэрри получил известность как английский врач, военный хирург, служивший в Южной Африке. В конце карьеры был генеральным инспектором госпиталей. Занимался не только лечением раненых и больных солдат британской армии, но и улучшением жизни коренного населения.

Бэрри окончил Эдинбургский университет и уже довольно опытным врачом приехал в Кейптаун. Он был рывеолом и носил трехдюймовые подметки на своих ботинках. Его плечи казались подбитыми ватой. Доктор Бэрри ездил верхом в высокой шляпе

Тайна хирурга Джеймса Бэрри

Дуэлянт и волокита оказался... женщиной

и с зонтиком, в сопровождении черного слуги. Умелый в искусстве фехтования, он всегда возил с собой коллекция холодного оружия. Также всегда с ним был его черный пудель Психея, который сопровождал его при выездах на осмотр больных.

Личные знакомые доктора Бэрри указывали на его дурной нрав. Как-то он участвовал в дуэли на пистолетах с Джоуиасом Клоэтом. Причина дуэли спорна, но никто не пострадал. Наказание за дуэль, тем не менее, понес только Клоэт. Возможно, Бэрри имел поддержку графа Бачана, который, по слухам, приходился отцом или дедом Бэрри. Доктору была присвоена должность медицинского инспектора колонии всего через несколько недель после его приезда. Возможно, успешную карьеру ему обеспечило спасение жизни одной из дочерей лорда Сомерсета. Тем

не менее его поведение часто приводило к аресту.

Однако дурной нрав доктора Бэрри не проявлялся в отношении пациентов. Одна из его пациенток говорила: «Никто так не понимает чужую боль, как он». Бэрри первым в англоязычном мире провел операцию кесарева сечения. Спасенный ребенок, которого позже окрестили в честь хирурга, в последующем был отцом премьер-министра Южной Африки.

Никто не сомневался в талантах доктора Бэрри и его интеллекте. Благодаря его стараниям в Кейптауне было налажено водоснабжение и улучшено городское управление. Он советовал пациентам принимать винные ванны, ибо полагал, что это уменьшает риск инфекции. Сам он был вегетарианцем.

Бэрри имел репутацию дамского угодника; говорили, что одна из

дочерей лорда Сомерсета была влюблена в него. Однако, по слухам, губернатора обвиняли в гомосексуальной связи с доктором. Этого было бы достаточно, чтобы лорд Сомерсет избавился от него, выслал из Южной Африки.

Известно, что Бэрри служил в Мавритании, Тринидаде и на острове Св. Елены, откуда он вернулся в Англию без официального вызова. Своему начальству он заявил, что приехал постричься... Бэрри избегал неприятностей в таких ситуациях, где другие были бы осуждены обществом или даже заключены под стражу. Позже он служил на Мальте, Корфу и в Крыму, на Ямайке и в Канаде (в Монреале). Достиг поста генерального инспектора по армейским госпиталям.

В 1864 г. Бэрри ушел в отставку, вернулся в Англию с тем же черным рабом и пуделем Психеей. А в 1865 г. – скончался. Врач под-

писал свидетельство о смерти, вероятно, без осмотра тела, но церковная служительница, обмывавшая покойника, была более наблюдательна и объявила, что доктор – женщина...

В 50-е годы XX века историк Изобел Пэй в военных архивах наткнулась на документы, свидетельствующие о том, что Джеймс Бэрри на самом деле был дочерью зеленщика из Корка и племянницей ирландского поэта Джеймса Бэрри.

Доктор Бэрри стал героем документальных фильмов и художественной литературы. В частности, ему был посвящен роман английской писательницы Патрисии Данкер «Джеймс Миранда Барри».

Материалы подготовил
Юрий БЛИЕВ,
обозреватель «МГ».